

15.03.98

• Театральные встречи

ВЫХОЖУ ОДИН Я...

Три фотографии — три тюзовских спектакля трех разных режиссеров... «Сон в летнюю ночь» Шекспира поставил Вячеслав Кокорин — спектакль до нынешних дней со светлым вздохом вспоминают многие поклонники ТЮЗа; чеховскую «Палату № 6» ставил режиссер Михаил Бычков; «Дракон» Евгения Шарца — работа Николая Елесина; обе последние работы тоже были заметными в театральной афише. Приходят и уходят режиссеры — как монархи, как прайфтели, оставаясь в судьбе театра кто эпохой, кто эпизодом, кто ярким, кто едва заметным; какие из названных (или не названных) имен останутся в истории театра — время все покажет, все расставит по местам. Жил бы только театр...

Фото Александра КИЯЗЕВА (из редакционного архива разных лет).

Нет лидера, олицетворяющего театр, — нет театра. Избитая истина. Так же, как и то, что яркий, живой, подлинно художественный театр недолговечен... Недолговечен, как вдохновение, праздник, экстаз. Если тебе довелось быть в таком театре (а у каждого он свой, не каждому он вообще нужен), то однажды потеряв его, волей-неволей начинаешь идеализировать его, ностальгировать, гоняться за призраком...

Иркутский ТЮЗ имени А.Вампилова пережил и взлеты, и падения: то его зал помился от любви, то за последние годы в театре сменилось несколько главных режиссеров, задерживаясь в нем не более сезона, они уходили, оставляя неустраиваемым огромный актерский потенциал. Сегодня ТЮЗ — негромкий театр, имеющий стабильный детский репертуар. Это — взгляд со стороны. А что происходит внутри? Чем театр живет? Какова сегодня роль провинциального актера — в театре и вне его?

Об этом размышляет тюзовский «старожил», заслуженный артист России Валерий ЕЛИСЕЕВ и человек в театре новый, актер Александр ИЗМАЙЛОВ.

— А разве театр по природе своей не деспотия! — спросила в Валерия Петровича в пылу нашего спора о вкусах и привязанностях режиссерских методах, стняла работ.

— Конечно. И Тостоновского, например, был деспотом... Без диктата в театре не обойтись — и в организационных вопросах, и в творческих. Но одно дело, когда режиссер работает в диалоге с актером, другое — когда он просто диктует ему свою точку зрения, не пытаясь выслушать. Актера нужно любить, выращивать, коллекционировать, если хочешь... Но, думаю, все эти теоретизирования о личных привязанностях никому не нужны. Театр находится в смертельной опасности. И ни актеры, ни режиссеры в этом не повинны.

Дело в том, что театр никогда не был и не должен быть прибыльным, не должен выживать за счет продажи спрятанного на сцене. Прежде у нас он существовал на государственной дотации, теперь вынужден зарабатывать сам: ставить спектакли на потребу, гнать «развлекалюк»... Как ни парадоксально, театр тоже готовил те общественные перемены, которые ударили теперь и по нему. Самые значительные наши театры — театр на Таганке, на Малой Бронной, «Современник» — сформировались в 70-е годы в оппозиции к тогдашнему тоталитарному режиму. Когда этот режим рухнул, театр оказался как бы не у дел: против кого бороться? Что отражать? Какую направленность и эстетику предпочесть?

Вот я говорил о развлекательных, коммерческих постановках... Театр должен быть глубоким, должен работать с серьезной драматургией. Но и без зрителя он тоже не может существовать: кому же хочется играть при полупустом зале? — Где же выход!

— Наверное, театр, обладающий своим лицом, индивидуальностью, в конце концов, не может не стать интересным для зрителя.

— Как вы считаете, Иркутский ТЮЗ сейчас имеет свое лицо!

— Сегодня наш театр ориентирован, в основном, на детей, младших школьников. По-моему, этого не достаточно для театра с такой

труппой. Актеры должны играть и «возрослый» репертуар, «варьете» в более сложный и серьезном материале.

— В театре есть режиссер, с которым вам хотелось бы работать? Режиссер, способный поставить глубокий спектакль?

— Я надеюсь, что наш новый художественный руководитель Валентин Никитич Яр-Юхин именно такой режиссер. Кстати, он работал у Анатолия Васильева.

— А вы не боитесь, что он, как и его предшественник, покинет театр! По-моему, со временем Кокорина в ТЮЗе не может прожить ни один главный режиссер. Почему!

— Почему? Да потому, что не происходит процесса взаимопонимания. У нас, актеров, есть опыт сотрудничества с глубокими режиссерами. У нас есть с кем сравнивать. Было бы смешно и глупо обвинять труппу в злоумышленном «попадании» режиссеров. Все естественно: режиссеры уходят — они ищут свой театр. И мы тоже не пустышки — мы ищем своего режиссера. Пока наши пути не пересеклись, не сошлись...

— Один мой знакомый актер сказал: «Никому не пожелаю работать в театре!» В этом есть резон!

— У меня две дочери. Они выросли в театре и влюблены в него. Мы с женой кое-как отговорили их от идеи стать актрисами.

— Почему же вы их отговаривали? Вы, более тридцати лет отдаленный театру?

— Это погубленная жизнь. Сейчас идет процесс разрушения привязанности к театру. И зависит это не только от внешней, экономической ситуации... В театре стоит служить только, когда хочешь и можешь заниматься этим делом. Быть средним актером неприятно. А вообще... Это внутренний процесс: периоды спада, периоды подъема. Во что выливается твоя жизнь?.. Ты или нужен, или не нужен. Бывает, ты нужен режиссеру, он работает с тобой, что-то открывает в тебе, но, выйдя на сцену, ощущаешь себя не интересным, не нужным зрителю. Или, наоборот, ты нужен зрителю, но абсолютной выпадешь из художественной политики театра.

— А сейчас как вы себя ощущаете?

— Очень тяжело. Каждый год приходит новый художественный руководитель. Он не знает твоего опыта, не знает твоих прежних работ и не может объективно оценить тебя. Ты все время вынужден начинать с нуля и доказывать свою профессиональную состоятельность.

— Так ради чего вы работаете! Ради любви к искусству!

— А ради чего же?! Мы получаем мизерную зарплату. Я живу на содержание у жены. Это лишает оптимизма и говорит о «ценности» нашей культуры...

Александр ИЗМАЙЛОВ шесть лет работал в Алма-Ате, в театре у Бориса Николаевича Преображенского, некогда бывшего режиссера Иркутского ТЮЗа. Александр — человек в театре новый. В ТЮЗе он только месяц.

— Какое у вас впечатление от театра! Как коллектив!

— Нормально. Нужно время, чтобы притереться. Я и не думал, что сразу будет хорошо и идеально... Все мне говорили, что сначала будет плохо. Но ведь ТЮЗ — мой родной театр. Я вырос здесь: мои родители работали в этом театре, брали меня с собой на гастроли...

— И вы, конечно, с детства мечтали стать актером!

— Ничего подобного. Когда я был маленьким, в театре меня пылали: «Артистом будешь?» А я упорно твердил: «Нет, не буду». Видимо, в детстве я лучше соображал! Хотел сначала закончить институт — все равно какой — и быть дворником, а потом директором театра. Но чтобы — раа! — и прямо из дворников и

директора! — Блестящая карьера! А почему вы после училища не остались в Иркутске!

— Выпускник театрального училища мечтает о МХАТе, никак не меньше. Но туда попадают избранные счастливые. Я не жалую, что уехал в Алма-Ату. Теперь я понимаю: режиссер — это все! Если режиссер видит в тебе что-то, что-то в тебе вкладывает, дает тебе в творческом смысле, тогда деньги и жилье не так уж важны! Конечно, угнетает то, что ты не в состоянии элементарно обеспечить семью. Но больше угнетает другое — режиссер сейчас не доверяет актерам, актеры — режиссерам. Ведь как зачастую бывает — режиссер наперед уверен в том, что актер ничего не сделает правильно, и поэтому не дает ему инициативы, «перекрывает» его. Артист же, глядя на режиссера, думает про себя: «Ты сам ни фига не знаешь!» А монтировщики считают драками и артистов, и режиссера...

— Война всех против всех! — Бессмысленная война. Изменить в этом мире, в этом театре можно только себя!

— Театр — жестокая вещь!

— Я никогда этого не ощущал. Сам я старался не лезть на рожон, не делать никому пакостей. В театре ради работы нужно переступить свои амбиции. Как бы это сказать?.. Если режиссер и актер будут носить в себе искусство — они обязательно найдут контакт.

— По-вашему, творческий контакт актера с режиссером важнее околотворческих отношений!

— Режиссер не может и не должен быть ангелом. У Преображенского, между прочим, в театре была теучность. Но вокруг него сглотилась крепкая группа единомышленников, которые уважали его и любили. Хотя это было и нелегко... Неплохо бы, если бы всюду были хорошие, добрые люди. Кажется Луи Армстронг сказал: «Дайте нам хорошего парня, а играть мы его научим».

— Но чтобы сделать из «простого хорошего парня» музыканта, надо быть Армстронгом. Что же лучше для театра: «добрый» бездарность или «злой» гений!

— Театру нужна личность, нужен талант. Правда, сейчас мало факторов способствующих развитию таланта. Нужно быть очень сильным, чтобы сохраниться.

— Если бы искусство было все начать заново, вы бы стали актером!

— Не знаю. Я бы однозначно сказал «нет», если бы знал что-нибудь другое, но в моей жизни кроме театра ничего не было. При нашей идиотской действительности театр в прежней своей организации изжил себя. Если же говорить о нашем театре... По-моему, ТЮЗ должен стать детским центром, неким сказочным миром, похожим на Диснейленд, в котором театр был бы не бессланным приложением, а его ядром.

Беседу велла Екатерина САНЖИЕВА.

P.S. Когда я спросил в одного актера режиссера, сумевшего создать «свободный», живой театр, потерев для ТЮЗа, он ответил: «Не могу сказать. Я расцениваю это как милое шуте. Но потом понял, что этот вопрос гораздо шире конкретных людей и обстоятельств. Все сводится к проклятой и неизбежной дилемме: что лучше — безбарность бездарности или талантливый деспот! Идеала, «золотой середины» в природе нет. Любый театр, любой творческий коллектив волен выбирать из двух худ меньше. Но независимо от выбора человеческие драмы неизбежны».

Как сказал Вениамин Сметов, работающий в театре «руководно», конфликтный режиссер Любомира: «Нет театра, где бы главный режиссер был всем мил и хорош. Нет такого лидера, такого Ефремова, Эфрема, Тостоновского, против которого не копилась бы история протеста. Потому что театр — прекрасное и страшное место, где люди работают не на станинах, а на собственном организме».